

ТАВТОЛОГИИ ТОЖДЕСТВА В ЭКСПЛИЦИРУЮЩИХ КОНТЕКСТАХ КАК МАРКЕРЫ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ

Анастасия Александровна Сахоненко

Санкт-Петербургский Государственный университет
(студент)

Аннотация. В статье рассматриваются русские тавтологии тождества, сопровождаемые эксплицирующими комментариями, которые раскрывают импликатуры, передаваемые тавтологиями в данном контексте. Примеры из Национального корпуса русского языка демонстрируют, что такие комментарии могут сильно различаться по объёму, но большинство из них не превышает одиннадцати слов. Комментарии могут относиться к одной или нескольким тавтологиям и обычно располагаются непосредственно после них. Экплицирующие комментарии можно разделить на три группы: указание на релевантный признак референта, ожидаемый план действий или принадлежность передаваемой тавтологией информации к сфере фоновых знаний. В статье утверждается, что тавтологии, сопровождаемые эксплицирующими комментариями, выступают в качестве маркеров фоновых знаний и указывают на то, что говорящий причисляет себя и слушающего к одной группе.

Ключевые слова: грамматика конструкций, микросинтаксис, русский язык, языковые тавтологии, семантика, прагматика, общие знания, фоновые знания.

EQUATIVE TAUTOLOGIES IN EXPLICATING CONTEXTS AS MARKERS OF GENERAL KNOWLEDGE

Anastasiya A. Sachonenko

Saint Petersburg State University
(undergraduate student)

Abstract. The paper examines Russian equative tautologies accompanied by explicating comments which disclose the implicatures conveyed by the tautologies in the given context. The data taken from the Russian National Corpus show that such comments can vary greatly in length but the majority do not exceed eleven words. The comments can pertain to one or several tautologies and are generally placed directly after them. Explicating comments can be divided into three semantic groups depending on whether they reference relevant characteristics of an object or a customary course of action or state that the information conveyed by the tautology belongs to the category of general knowledge. We argue that, when accompanied by explicating comments, tautologies serve as markers of general knowledge and show that the speaker regards themselves and the hearer as members of the same group.

Key words: Construction Grammar, microsyntax, Russian language, tautologies, semantics, pragmatics, shared knowledge, general knowledge.

1. Введение

Тавтологии тождества *Х есть Х* и *Х это Х* активно используются носителями русского языка в повседневном общении, позволяя говорящему имплицитно передавать информацию о конкретных свойствах референта за счёт отсылки к общим фоновым

знаниям, а также сигнализируя о принадлежности коммуникантов к единой группе, разделяющей представления о референте [Fraser 1988; Miki 1996; Булыгина, Шмелев 1997; Meibauer 2008; Вилинбахова 2022] (см. 1–2).

- (1) *Ни один артист не застрахован от разного рода неожиданных происшествий на сцене — театр есть театр, а особенно если это оперный.* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]²².
- (2) *Он, конечно, понимает, что сказка — это сказка. Но он умеет вышелушить сказку и добыть драгоценное зернышко, помогающее осмыслению жизни.* [С. А. Дангулов. Керашев (1981)]

В то же время встречаются контексты, в которых, на первый взгляд, нарушается принцип языковой экономии, так как сообщение, передаваемое тавтологией, дублируется (см. 3–4).

- (3) *Конечно, это немного утомляло, но вообще-то юбилей есть юбилей — надо же отпраздновать!* [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)]
- (4) *Но партнер — это только партнер. То есть на время.* [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)]

В примерах вроде (1) такое противоречие не ощущается, а тавтология, помимо своего общего значения, несёт также оттенок причинности. В рамках настоящего исследования было решено сосредоточиться на случаях употребления тавтологий в начальной или средней позиции, то есть в контекстах, которые могут показаться более спорными.

Изложение в статье строится следующим образом: в разделе 2 даётся характеристика фоновых знаний, в разделе 3 рассматриваются структурные и семантические свойства тавтологий *X есть X* и *X это X*, в разделе 4 излагаются методология и результаты исследования, и в заключительном разделе 5 подводятся итоги исследования и обсуждаются перспективы применения его результатов.

2. Значение общего и индивидуального фонового знания

В лингвистической литературе фоновые знания обсуждаются при описании коннекторов, показателей эвиденциальности, тавтологических конструкций и других языковых явлений (см. [Willet 1988; Инькова 2016; Hintz, Hintz 2017; Eberhard 2018; Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2020; Крюкова 2020; Vilinbakhova, Escandell-Vidal, Zevakhina 2022]). При этом, как подчёркивается в [Вилинбахова 2022], в некоторых из цитируемых работ на первый план выходит понятие генерализованного знания (general knowledge), в то время как в других важная роль отводится понятию совместного, или общего, знания (mutual knowledge, shared knowledge). В первом случае подчёркивается очевидность информации и обязательность знания, а во втором делается акцент на известности некоторого факта как для говорящего, так и для слушающего.

Основные свойства фоновых знаний описаны в работе [Kittilä 2019], посвящённой общим фоновым знаниям как эвиденциальной категории. Этими свойствами являются: (а) включённость фоновых знаний в представления говорящего об окружающем мире; (б)

²² Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), если не указано иное.

возможность обращения к фоновым знаниям в любой момент времени; (в) неспособность говорящего указать на источник фоновых знаний.

Также в литературе обсуждаются дополнительные значения, которые могут передаваться при помощи показателей фоновых знаний. Так, в [Kittilä 2019] отмечается, что при апелляции к фоновым знаниям на первый план обычно выходит уверенность говорящего в правдивости информации; в [Hintz, Hintz 2017] говорится о способности показателей фонового знания в южном кончукос указывать на принадлежность говорящего и слушающего к одной группе или представлять собой приглашение для слушающего к ней присоединиться.

3. Общие сведения о конструкциях *X есть X* и *X это X* в русском языке

3.1. Структурные свойства

Частеречное наполнение конструкций *X есть X* и *X это X* целесообразно определять не в морфологических терминах, а в терминах синтаксических групп, так как именно синтаксические группы могут занимать место переменных в конструкциях [Вилинбахова, Копотев 2017] (см. 5–6)²³.

(5) *Сейчас мало людей, которые знают архивное дело так, как я. Любимая работа есть любимая работа!* [Яна Шевцова (КП-Казань). «Синий» человек теперь еще и не спит // Комсомольская правда, 2002.04.26].

(6) *И не оспоришь приговор арбитра — все верно, вне игры есть вне игры.* [Сергей Самсонов. Одиннадцать (2010)]

В качестве повторяющихся элементов могут выступать именные группы с присутствующими (5) или эллиптированными вершинами (7), местоименные группы в Им. п. (8) или косвенных падежах (9), группы числительных (10), глагольные группы с глаголами в форме инфинитива (11) или претерита (12), предложные (13) и наречные группы (14), а также предикативы (6) [Вилинбахова, Копотев 2017].

(7) — *Вы так удивляетесь, будто я китайского языка не знаю. А его многие не знают. — Ну, китайский это китайский.* [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // Волга, 2010]

(8) — *Интересно мне, почему ты — это ты, а я — я?!* [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012)]

(9) — *Скажи, что нам поест. — Кому это — нам? — удивилась Людмила. — Нам — это нам...* [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)]

(10) *Всякое может случиться. Один — это один, а трое — трое...* [А. И. Мусатов. Большая весна (1957)]

(11) *Серые, глубокие глаза Лобастого тихо сияют. — Начать — это начать, — бормочет он.* [Василий Шукшин. Как мужик переплавлял через реку волка, козу и капусту (1972—1974)]

²³ Примеры (5–15) оттуда же.

- (12) *Колька опять приник к ней и опять стал уговаривать: в конце концов, погиб — это погиб.* [Владимир Маканин. Голоса (1977)]
- (13) [Мит Андрей, pick] *Александр, история — точная наука. «В июле» — это «в июле».* [коллективный. Форум: Уничтожение польской профессуры Львова. Обсуждение (2012)]
- (14) *Завтра — это завтра, но уже сейчас стоит подготовиться.* [Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000)]

Отдельно стоит упомянуть модификации, которым могут подвергаться конструкции. Во-первых, в [Вилинбахова, Копотев 2017] упоминается возможность нарушения симметричности конструкций за счёт эллипсиса одной из вершин (15). В ходе текущего корпусного исследования мы выделили также случаи перестановки вершины и зависимого (16), употребления таких лексем, как *всякий, просто, всегда, здесь* (17–20), а также разрывания конструкций обращением (21), что также приводит к нарушению симметричности.

- (15) *Обязательство в письменной форме — это [обязательство] в письменной форме.* [Аркадий Львов. Двор (1981)]
- (16) *Однако государственные дела есть дела государственные и тут не до сантиментов.* [Игорь Андреев. Желтый ящик // «Знание - сила», 2006]
- (17) *Всякий бунт есть бунт.* [Г. И. Чулков. Императоры: Психологические портреты (1928)]
- (18) *Учитель Бэлиуну — это просто учитель Бэлиуну.* [Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Обретение Энкиду (1997)]
- (19) *А солдат всегда солдат, хоть бы и советский, где-нибудь в Берлине, а баба всегда есть баба, хоть и в оккупации — не всегда ждет, когда вернутся «наши».* [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002]
- (20) *А «ясак» здесь — это «ясак», никакими уговорами его не прошибешь, это не Россия-матушка.* [Шура Буртин. Турция — Курдистан: линия фронта // «Русский репортер», № 3 (33), 31 января - 7 февраля 2008]
- (21) *Так вот — пугать нас не надо, мы все тут люди пуганые, а политическая несознательность, товарищи, — это политическая несознательность, и безответственность — это, товарищи, безответственность, и подобные настроения мы, товарищи, конечно же пресекали и будем пресекать...* [Любовь Кабо. Правдёнка (1997)]

Во-вторых, в [Вилинбахова, Копотев 2017] описываются случаи употребления связок *это* и *есть* в форме прошедшего или будущего времени, сопровождающегося изменением падежа второго из повторяющихся элементов с именительного на

творительный [Вилинбахова, Копотев 2017] (см. 22–24)²⁴. Кроме того, в ходе исследования мы обратили внимание на возможность сочетания связки *это* со связкой *есть* в форме настоящего времени (25) и способность связок подвергаться эллипсису в случае параллельного употребления нескольких тавтологических конструкций (8, 10, 23). Отметим также возможность распространения конструкции *X есть X* путём употребления союза *и* в позиции перед связкой (26).

(22) *Для него приказ был приказом, закон был законом, правильный, неправильный, но исполнять надо, раз это закон.* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]

(23) *Пусть улыбка будет улыбкой, а нож — ножом.* [Б. Б. Вахтин. Письма самому себе (1967) // Звезда, 2005]

(24) *Мать — это была мать, другая сторона, и незачем задевать ее в разговоре.* [Дина Рубина. Терновник (1983)]

(25) *Вам кажется, что жизнь — это есть жизнь, что действительность видима и что поступки — это есть человек.* [Александр Кабаков. Последний герой (1994–1995)]

(26) — *Да Хрон и есть Хрон, ему лишь бы залиться!* [Роман Сенчин. Афинские ночи // «Знамя», 2000]

В [Падучева 2004] отмечается, что тавтология *X есть X* может сопровождаться эксплицирующим комментарием, раскрывающим заключённую в ней импликацию²⁵. То же самое верно и для конструкции *X это X* (см. также 20, 22, 24, 26). Подробно характеристики эксплицирующих комментариев рассматриваются в разделе 3.2.

3.2. Семантические свойства конструкций

Для описания значений, передаваемых конструкциями *X есть X* и *X это X* в конкретных контекстах, необходимо выйти за рамки чисто семантического уровня и обратиться к частным речевым импликациям [Падучева 2004; Вилинбахова, Копотев 2017], что позволяет объяснить способность обеих тавтологий передавать как положительное, так и отрицательное отношение говорящего. Это противоречит описанию из [Булыгина, Шмелев 1997], где говорится, что конструкции *X есть X* свойственна отрицательная импликация, а конструкции *X это X* — положительная, но уже в [Вилинбахова, Копотев 2017] приводятся примеры, демонстрирующие, что каждая из конструкций способна передавать любую оценку говорящего (27–28)²⁶, т.е. для этих конструкций «всегда находятся “контрпримеры”, опровергающие возможные толкования» [Там же: 119].

(27) *Это прекрасная новость. А у него есть конкурент? Компания «Боско»? Хорошая марка, но Карден есть Карден. Он обладает абсолютным вкусом, великолепно*

²⁴ Примеры (22–24) отсюда же.

²⁵ Под импликацией в работе понимается «компонент содержания высказывания, который не входит в конвенциональное, т. е. закодированное в языке, значение слов или конструкций, а выводится из него при учёте контекста ситуации, с опорой на Принцип кооперации и вытекающие из него коммуникативные постулаты» [Падучева 2004: 101].

²⁶ Примеры (27–28) отсюда же.

чувствует линию, красоту. [Долгополов Николай. Пьер Карден против «Боско» // Труд-7, 2007.03.02]

- (28) — *Насколько мне известно из допросов военнопленных, — заметил Вайс, — советские люди, например, несмотря на все, убеждены, что гитлеровцы — это одно, а немецкий народ — совсем другое. — Вздор! — горячо воскликнул Генрих. — Немцы — это немцы, и все они одинаковы.* [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга вторая (1968)]

Тем не менее, даже с учётом важной роли контекста, можно выделить некоторые тенденции в употреблении конструкций. В целом, в конструкции *X есть X* «первый повторяющийся элемент указывает на объект, а второй — на его свойство», в то время как в конструкции *X это X* «устанавливается тождество объекта самому себе» [Вилинбахова, Копотев 2017: 119], чем объясняются содержательные особенности этих тавтологий.

Во-первых, конструкция *X есть X* указывает на «общее свойство всех манифестаций индивида или класса *X*», в то время как значение конструкции *X это X* «состоит в выделении *X*-а среди прочих индивидов или классов» [Булыгина, Шмелев 1997: 508–509].

Во-вторых, конструкция *X есть X* обычно употребляется в том случае, когда у говорящего и слушающего имеются общие фоновые знания относительно предмета разговора, а конструкция *X это X* может успешно использоваться также в тех ситуациях, когда общие фоновые знания участников коммуникативного акта отсутствуют [Вилинбахова, Копотев 2017] (29)²⁷.

- (29) — *Утро — это до какого часа? — Утро — это утро, до десяти. Но телефон не входит.* [Сергей Юрский. Сеюки (1997–1998)]

В-третьих, конструкция *X это X* чаще используется для апелляции к метаязыковому знанию [Вилинбахова, Копотев 2017] (30).

- (30) *Ерунда все эти ярлыки и звания! Кобзон есть Кобзон. Равнозначная себе величина.* [Муслим Магомаев. Любовь моя — мелодия (1999)]

Другие типы фоновых знаний, которые способны передавать конструкции *X есть X* и *X это X* включают дескриптивные, прескриптивные, повсеместные и локальные знания [Крюкова 2020].

Стоит также отметить, что конструкции могут использоваться говорящим для передачи чужих фоновых убеждений. В ходе настоящего исследования были найдены примеры использования конструкции *X есть X* для передачи представлений другого человека или группы людей (31–32).

- (31) *Как любил говорить Корнелин, закон есть закон.* [А. П. Ладинский. В дни Каракаллы (1959)]

- (32) *Лишь изредка задерживается тяжелая штора, из-за которой пробиваются красные отсветы. Жизнь есть жизнь, считают голландцы, и незачем скрывать ее от посторонних глаз.* [В. В. Овчинников. Своими глазами (2006)]

²⁷ Пример (29) отсюда же.

Если пример (31) можно трактовать как прямое цитирование, то пример (32), по всей видимости, представляет собой высказывание, порождённое говорящим самостоятельно. В описываемом примере конструкция *X есть X* указывает на общепризнанность взгляда на ситуацию среди группы, к которой говорящий не принадлежит, но о менталитете которой он имеет представление. Подобное употребление показывает, что тавтологии тождества иногда могут употребляться говорящим для выражения точки зрения, которая позволяет объяснить некоторые факты действительности, причём сам говорящий может не соглашаться с содержащейся в тавтологии импликацией.

4. Тавтологии в эксплицирующих контекстах по корпусным данным

4.1. Сбор и разметка корпусного материала

Исследование проводилось автором статьи на материале данных основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). На данном этапе исследования задачей было собрать примеры предложений, содержащих устанавливающие тождество тавтологии *X есть X* и *X это X*, со связками в форме настоящего времени. Отбирались контексты, в которых в качестве повторяющихся элементов конструкций выступали именные группы в именительном падеже, с эксплицитно выраженными вершинами. Именно на такие примеры приходится большинство употреблений тавтологий тождества в корпусе [Вилинбахова, Копотев 2017].

Вслед за [Вилинбахова, Копотев 2017] дополнительно применялось ограничение к текстам для анализа: они должны были быть созданы не ранее 1945 года, чтобы найденные примеры отражали стратегии употребления конструкций в современном русском языке, а не устаревшие модели. В то же время ограничения должны были быть не слишком жёсткими, чтобы собранного материала было достаточно для подведения итогов и выделения закономерностей использования тавтологий тождества.

Корпусные примеры были собраны 10.01.2022. Для поиска использовались запросы вида: **a* S,nom,sg; на расстоянии от 1 до 2 от «есть» | «это»; на расстоянии от 1 до 2 от a* S,nom,sg**. Расстояние между элементами задавалось таким образом, чтобы в выдаче могли попадаться результаты типа «чужие люди есть чужие люди» или «рюмка водки – это рюмка водки». Примеры на конструкции *X это X* и *X есть X* отбирались вручную. Также вручную при необходимости осуществлялся поиск расширенного контекста.

Найденные примеры загружались для обработки в формате таблицы, где впоследствии дополнительно отмечалась информация о типе конструкции (*X есть X* или *X это X*), наличии или отсутствии эксплицирующего комментария, его расстоянии от конструкции, типе и объёме.

В ходе поиска по основному подкорпусу НКРЯ было собрано в общей сложности 2043 контекста, содержащих конструкции *X есть X* и *X это X*. Объём подкорпуса составил в общей сложности 89 935 слов.

4.2. Анализ и результаты

Из 204 контекстов, содержащих конструкции *X есть X* и *X это X*, эксплицирующие комментарии содержали 32,4% (662 примера против 1381), т.е. примеры употребления конструкций без соответствующих комментариев более частотны. В то же время эксплицирующие комментарии встречаются не настолько редко, чтобы считать подобные случаи употреблением маргинальными.

Анализ примеров показал, что за редким исключением (33 примера из 662, или около 5% случаев) эксплицирующий комментарий стоит непосредственно после конструкции в том же или следующем предложении (33–34). В отдельных примерах

комментарий может быть отделён словами автора при прямой речи (35), обращением (36) или фрагментами с уступительным значением (37) — 7, 6 и 4 примера соответственно.

(33) *Я предложила им изысканный, на мой взгляд, букет из лучших сортов. Но они категорически отказались от букета. Были удивлены и даже оскорблены. Сказали, что **чай есть чай** и смешивать сорта нельзя ни в коем случае! [Лидия Смирнова. Моя любовь (1997)]*

(34) *Так появилась пара хвалебных абзацев о Черненко в самом начале доклада. Но **аппарат есть аппарат**. Он коварен и мстителен. [Александр Яковлев. Омут памяти. Т.1 (2001)]*

(35) — ***Б-быков есть Быков**, — сказал Юрковский, криво усмехаясь. — В-всех н-неможных на своих н-плечах. [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Путь на Амальтею (1959)]*

(36) *Тело еще сопротивляется, но **голова есть голова**, дорогая. Голова подчинит себе тело. [Виктор Конецкий. На околонучной параболе (Путешествие в Академгородок). Повесть (1978)]*

(37) *В конце сессии Алле предстоял госэкзамен по иностранному. **Язык есть язык**, пусть даже не китайский, а только лишь английский, — нужно заниматься. [Нина Горланова. Филологический амур (1980)]*

Объём эксплицирующих комментариев может сильно различаться: в то время как 499 примеров имеют объём в пределах от двух до одиннадцати слов (медиана = 7, мода = 5), встретилось 4 комментария, состоящих из одного слова (38). Объём эксплицирующих комментариев из оставшихся 159 примеров был больше 11 слов. Максимальная длина комментария составила 119 слов (39). Сложные комментарии могут оформляться в одно или несколько предложений (38, 47).

(38) *Ну а власть? **Власть есть власть**. Насилие. [Виктор Некрасов. Саперлипопет (1983)]*

(39) *Я должна испить чашу до дна — это 58-я, хорошая или плохая; **бандитки** — это **бандитки**, это огромный барак животных страстей: бытовички, сидящие за какую-нибудь мелочь, крестьянки, молоденькие девушки, отсиживающие срок по приказу Сталина об опоздании на завод на десять минут, все это смешано в клубок: и если это голод, то один открыто, жадно ест, а другой, голодный, не отрывая глаз, также открыто, унижительно подбирает крошки; если это холод, неудобства, то один в тепле и удобстве, а другому холодно, неудобно, а самое отвратительное полове страсти: половина барака лесбиянки, до тошноты открытые, те, что в бантиках, изображающие из себя жен или любовниц, называются «ковырялками», а изображающие мужчин выглядят безобразно, стрижены почти наголо, в мужской одежде, носят имена Васек, Ванек, Костик, называются «коблами», худы до костей, потому что работают за себя и своих дам, говорят визгливым басом. [Татьяна Окуневская. Татьянин день (1998)]*

Эксплицирующие комментарии способны передавать несколько типов значений, причём тип значения не зависит от типа конструкции. Во-первых, они могут указывать на типичные свойства референта, релевантные для текущей коммуникативной ситуации (40–41). Подобные комментарии представляют очень разнородную группу, внутри которой выделяются 20 примеров, комментарии к которым напоминают по форме словарные толкования (42), и 27 примеров с комментариями, поясняющими значение конструкции через отрицание (43). В отличие от случаев параллельного употребления тавтологических конструкций (*я — это я, а ты — это ты*), в подобных контекстах не подчёркивается факт нетождественности упомянутых сущностей, а выстраивается образ одного объекта через контраст с другим.

(40) *Строже всего Семен хранил тайну от жены. **Баба и есть баба** — волос долог, да ум короток. Поведай, не утерпит — разнесёт по селу. [Владимир Тендряков. Суд (1960)]*

(41) *Что ни говори, а **мировой язык есть мировой язык**, и с ним нигде не пропадешь.*

(42) *У Сергея была стройная теория деления человечества на бедных, богатых и больных. **Бедные — это бедные.** Это те, у кого за три дня не хватает до полочки. [Галина Щербакова. Ах, Маня... (2002)]*

(43) ***Чайник — это чайник.** Он не кофейник, и достаточно, а эти молодые спятели на носиках и крышечках, но она-то не такая! [Галина Щербакова. Дивны дела Твои, Господи... (2001)]*

Также эксплицирующие комментарии способны указывать на общепринятый, по мнению говорящего, план действий. В таком случае их значение имеет прескриптивный оттенок (44). В подобных контекстах использование конструкции может быть связано с нежеланием говорящего принимать личную ответственность за совершенные или планируемые действия, так как тавтологии отсылают к коллективным представлениям о подобающем поведении, с которыми говорящий не может не считаться. Возможна также альтернативная трактовка таких примеров, при которой значение, передаваемое эксплицирующим комментарием, рассматривается как следствие принадлежности референта к данному классу объектов (*Если война — это война, то надо убивать*).²⁸

(44) ***Война — это война, надо убивать.** Нам что — боевое оружие вручили в «Зарницу» играть с братьями по классу? [Светлана Алексиевич. Цинковые мальчики (1984-1994)]*

Отдельную группу представляют собой комментарии, в которых содержится дополнительное эксплицитное указание на типичность и ожидаемость ситуации (45–46), а также на общеизвестность некоторого факта внеязыковой действительности (47–48).

(45) *— **Машину уже после развода купила.** А весной — тюк! — и нет машины. Теперь не моет. — Угнали, что ли? — Разбила. **Баба есть баба, что ты хочешь.** Теперь ни мужа, ни машины. [Александра Маринина. Стечение обстоятельств (1992)]*

²⁸ Автор выражает благодарность анонимному рецензенту за данное наблюдение.

(46) — *Так я и думал, — хмуро сказал Леня. — Пан есть пан! Все они одним лыком шиты! И дело тут не в злости или доброте, а в этой помещицкой жилке собственности и равнодушия к людям.* [Валентина Осеева. Динка прощается с детством (1969)]

(47) — *Мы бы по партлинии к властям давно обратились. Да ведь не с чем! Да ведь не с чем! Арендатор и есть арендатор. Это все знают. И сейчас ему палки в колеса совать нельзя. На данном этапе он нужен...* [М. А. Кравков. Зашифрованный план (1923)]

(48) — *Восток есть восток, дело тонкое, как известно, как совершенно верно подмечено в знаменитом, чуть ли не целиком с годами вошедшем в поговорку, отечественном фильме — но и запад ведь есть, где-то там, как посмотришь по карте, — налево, — как же с ним?* [В. Д. Алейников. Тадзимас (2002)]

Как видно из примеров (47–48), комментарии, передающие разные значения, могут соседствовать друг с другом. Так, в примере (47) непосредственно за конструкцией следует указание на общеизвестность знания, которое сочетается с указанием на предпочтительный тип взаимодействия с арендатором и причина выбора такого типа взаимодействия (ему нельзя мешать, потому что он нужен). В примере (48) соседствуют сразу три типа комментариев: характеристика общих свойств, указание на принадлежность информации к общему фоновому знанию, а также четвёртая разновидность эксплицирующего комментария — описание источника цитаты, см. также (49). Случаи сочетания комментариев разных типов очень редки: в нашем корпусе встретилось 12 подобных примеров, 6 из которых пришлось на сочетание описательного пояснения и фоновых знаний. Отметим также, что соседствующие комментарии в редких случаях способны вкладываться один в другой (50).

(49) *«Удивительный народ, — подумала она о немцах, — даже на фронте они лакируют гробы! Орднунг есть орднунг, как говорил мой незабвенный Адашь... Такой на войне порядок — убивать лучших...»* [Вацлав Михальский. Для радости нужны двое (2005)]

(50) *Жалко старикана, да что поделаешь, жизнь — это жизнь, а жизнь, как уверял один разуверившийся писатель, — это проходной двор между двумя уборными.* [Анатолий Азольский. Монахи // «Новый Мир», 2000]

Может показаться, что комментарии в (48–49) нарушают положение Киттиля о невозможности назвать источник фонового знания [Kittilä 2019: 1280], но это противоречие только видимое. Подобные комментарии стоит рассматривать именно как указание на источник цитаты, а не источник знания. Особенно хорошо это видно из примера (48), в котором автор выражает свои представления о немцах. В данном примере они соответствуют этническим стереотипам носителей русского языка, и автором заимствуется только форма выражения этих стереотипов, которые являются одной из разновидностей фоновых знаний. В то же время источник знания может не совпадать с источником цитаты, что верно также для примера (49), в котором автор в слегка изменённом виде приводит широко известную цитату из фильма «Белое солнце пустыни»: «Восток — дело тонкое».

В рассмотренных ранее примерах эксплицирующие комментарии относились только к одной конструкции, однако встречаются примеры с однородными тавтологическими конструкциями. Так, в ходе исследования собрано 34 примера, в которых

эксплицирующий комментарий относится к двум конструкциям, и по одному примеру с комментарием, относящимся к трём и шести конструкциям (51–53).

(51) *Хотя, конечно, всегда найдется какой-нибудь дурак с мороза, который, ломясь в открытую дверь, доведет вас до белого каления, утверждая, что **вход есть вход, а выход есть выход**, и вместе им не сойтись, то есть одно не может служить другим, а другое одним, — хоть хватай в охапку да в окно дурака, хоть сам куда-нибудь, хоть за водкой...* [Юрий Буйда. Щина // «Знамя», 2000]

(52) *Однако вся эта новая жизнь касалась ветеранов альпинизма (или, как сказано одна значкистка на собрании в лагере, «наших дорогих руин альпинизма») лишь отчасти, потому что **высота есть высота, ветер есть ветер, отвес есть отвес** и никаким нововведениям они не подчиняются.* [Ю. И. Визбор. Альтернатива вершины Ключ (1981)]

(53) *Действительно, случай, казалось бы, безнадежного положения: **рост есть рост, так же как возраст — возраст, ум — ум, характер — характер, ситуация — ситуация, смерть — смерть...** Данность, которую нельзя изменить, — о какой же психотерапии может идти речь?..* [Владимир Леви. Искусство быть собой (1973)]

Последнее соображение касается роли тавтологической конструкции в контексте, в котором эксплицитно выражается заключённое в ней значение. Как уже упоминалось в разделе 2, апелляция к фоновым знаниям может использоваться говорящим для передачи высокой степени уверенности в сказанном, что связано с таким свойством фоновых знаний, как признанная надёжность [Kittilä 2019]. Таким образом, употребление тавтологии способно придать весомости словам говорящего и послужить отражением его убеждений.

Кроме того, как отмечалось в [Hintz, Hintz 2017], показатели фонового знания могут использоваться для указания на принадлежность участников коммуникативного акта к одной группе или служить приглашением для слушающего присоединиться к группе говорящего. В [Вилинбахова 2022] предлагается аналогичная трактовка для русских тавтологий тождества, и результаты настоящего исследования согласуются с данной интерпретацией, так как наличие общих фоновых знаний подразумевает существование говорящего и слушающего в некотором общем контексте, что является необходимым условием для правильной интерпретации тавтологии.

5. Заключение

В работе на материале примеров из основного подкорпуса НКРЯ проанализированы структура и семантика эксплицирующих комментариев, сопровождающих конструкции *X есть X* и *X это X*. По нашим наблюдениям, эксплицирующие комментарии чаще всего находятся непосредственно после тавтологии в том же или следующем предложении и могут относиться к одной или нескольким конструкциям. Объём комментария в большинстве случаев не превышает 11 слов; верхнюю же границу установить сложно, поскольку комментарий может значительно распространяться за счёт включения в него деталей.

Выделяется четыре типа значений, передаваемых эксплицирующими комментариями: указание на релевантный признак референта, ожидаемый план действий, соответствие ситуации представлениям языкового коллектива, к которому принадлежит говорящий, а также указание на источник цитаты. Все из этих типов комментариев способны сочетаться друг с другом.

Наконец, приводятся соображения о возможности использования тавтологий тождества для указания на принадлежность говорящего и слушающего к одной группе.

Перспективным представляется экспериментальное изучение роли языковых тавтологий в качестве риторического приёма, направленного на придание убедительности сказанному. Предполагается, что признанная надёжность фоновых знаний будет придавать аргументу с тавтологическими конструкциями весомости.

Интерес представляет также исследование влияния употребления тавтологий на восприятие слушающим степени его близости с говорящим. Если представления о конструкции, высказанные в работе, верны, то слушающий должен ассоциировать использование конструкций с большей степенью близости.

Литература

Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с.

Вилинбахова Е. Л. Как говорится, статья есть статья: некоторые аспекты функционирования тавтологий в коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — 2016. — Вып. 15 (22). — С. 803–816.

Вилинбахова Е. Л. Конструкции с лексическими повторами как эвиденциальные стратегии // *Verus convictor, verus academicus*. — СПб, 2022. (В печати)

Вилинбахова Е. Л., Копотев М. В. «X есть X» значит «X это X»? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. — 2017. — №3. — С. 110–124.

Инькова О. Ю. К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: не только... но и // Вопросы языкознания. — 2016. — №3. — С. 37–60.

Крюкова А. В. Конструкции с лексическими повторами и общие фоновые знания: разновидности и ограничения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». — Вып. 19 (26). Дополнительный том. — М., 2020. — С. 1025–1035.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. — М.: «Языки славянской культуры», 2004. — 607 с.

Eberhard, D. Evidentiality in Nambikwara Languages // *The Oxford Handbook of Evidentiality*. — Oxford: OUP, 2018. — P. 333–356.

Fraser, B. Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies // *Journal of Pragmatics*. — 1988. — Vol. 12. — P. 215–220.

Hintz D. J., Hintz D. M. The evidential category of mutual knowledge in Quechua // *Lingua*. — 2017. — Vol. 186–187. — P. 88–109.

Kittilä, S. General knowledge as an evidential category // *Linguistics*. — 2019. — Vol. 57 (6). — P. 1271–1304.

Meibauer, J. Tautology as presumptive meaning // *Pragmatics and Cognition*. — 2008. — Vol. 16. — P. 439–470.

Miki E. Evocation and tautologies // *Journal of Pragmatics*. 1996 Vol. 25. P. 635–648.

Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V. Interpreting nominal tautologies: Dimensions of knowledge and genericity // *Journal of Pragmatics*. 2020. Vol. 160. P. 97–113.

Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V., Zevakhina N. Tautologies, inferential processes and constraints on evoked knowledge // *Journal of Pragmatics*. — 2022. — Vol. 191. — P. 55–66.

Willet, T. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // *Studies in language*. — 1988. — Vol. 12. № 1. — P. 51–97.

References

- Bulygina T. V., Shmelev A. D. Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale ruskoj grammatiki) [Language conceptualization of the world (in relation to Russian grammar)]. — M.: School "Languages of Russian Culture", 1997. — 576 p.
- Vilinbakhova E. L. Kak govoritsja, stat'ja est' stat'ja: nekotorye aspekty funkcionirovanija tautologij v komunikacii [As they say, an article is an article: some aspects of the functioning of tautologies in communication] // Computational Linguistics and Intelligent Technologies. — 2016. — Issue. 15(22). — P. 803–816.
- Vilinbakhova E. L. Konstrukcii s leksičeskimi povtorami kak evidencial'nye strategii [Constructions with lexical repetitions as evidential strategies] // Verus convictor, verus academicus. — St. Petersburg, 2022. (In print)
- Vilinbakhova E. L., Kopotev M. V. «X est' X» značit «X èto X»? Iščem otvet v sinxronii i diaxronii ["X is X" means "X is X"? Looking for an answer in synchrony and diachrony] // Questions of linguistics. — 2017. — No. 3. — P. 110–124.
- Inkova O. Yu. K probleme opisanija mnogokomponentnyx konnektorov russkogo jazyka: ne tol'ko... no i [On the problem of describing multicomponent connectors in Russian: ne tol'ko... no i (lit. 'not only ... but also')] // Questions of Linguistics. — 2016. — No. 3. — P. 37–60.
- Kryukova A. V. Konstrukcii s leksičeskimi povtorami i obščie fonovye znanija: raznovidnosti i ograničenija [Constructions with lexical repetitions and shared knowledge: varieties and limitations] // Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Based on the materials of the annual international conference "Dialogue". — Issue. 19 (26). Additional volume. — M., 2020. — P. 1025–1035.
- Paduceva E.V. Dinamičeskie modeli v semantike leksiki [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. — M.: "Jazyki slavjanskoj kul'tury", 2004. — 607 p.
- Fraser, B. Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies // Journal of Pragmatics. — 1988. — Vol. 12. — P. 215–220.
- Hintz D. J., Hintz D. M. The evidential category of mutual knowledge in Quechua // Lingua. — 2017. — Vol. 186–187. — P. 88–109.
- Kittilä, S. General knowledge as an evidential category // Linguistics. — 2019. — Vol. 57 (6). — P. 1271–1304.
- Meibauer, J. Tautology as presumptive meaning // Pragmatics and Cognition. — 2008. — Vol. 16. — P. 439–470.
- Miki E. Evocation and tautologies // Journal of Pragmatics. 1996 Vol. 25. P. 635–648.
- Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V. Interpreting nominal tautologies: Dimensions of knowledge and genericity // Journal of Pragmatics. 2020. Vol. 160. P. 97–113.
- Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V., Zevakhina N. Tautologies, inferential processes and constraints on evoked knowledge // Journal of Pragmatics. — 2022. — Vol. 191. — P. 55–66.
- Willet, T. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // Studies in language. — 1988. — Vol. 12. № 1. — P. 51–97.